И. Я. Акинфіевъ.

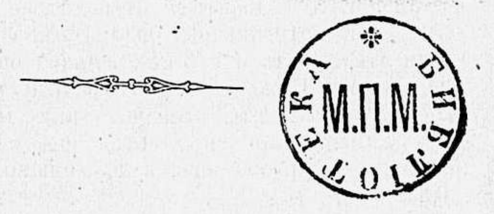
ДЕВЯТЬ ДНЕЙ ВЪ ЦЕНТРѢ КАВКАЗА.

Цѣна 25 коп.

ЕКАТЕРИНОСЛАВЪ.
Типо-Литографія Губернскаго Правленія.
1893.

И. Я. Акинфіевъ.

ДЕВЯТЬ ДНЕЙ
ВЪ
ЦЕНТРѢ КАВКАЗА.

Цѣна 25 коп.

ЕКАТЕРИНОСЛАВЪ.
Типо-Литографія Губернскаго Правленія.
1893.

Дозволено цензурою Кіевъ. 14 Октября 1893 г.

ДЕВЯТЬ ДНЕЙ ВЪ ЦЕНТРѢ КАВКАЗА.

I.

Предгорья.—Аулы.—Первая ночевка въ татарской саклѣ.—Путь чрезъ Скалистый хребетъ.—Балкарія.

Изъ всѣхъ поѣздокъ на Кавказъ, которыя пишущему эти строки приходилось предпринимать почти ежегодно, начиная съ 1882 года, поѣздка послѣдняго 1893 г., въ сопровожденіи одного ботаника изъ Кіева, принадлежитъ къ самымъ удачнымъ и интереснымъ. Удачной она оказалась, благодаря тому, что въ горахъ стояла въ теченіе всѣхъ девяти дней путешествія прекрасная погода: ни разу не было не только дождя, но и болѣе или менѣе продолжительнаго тумана, который мѣшалъ бы осматривать окрестности и изслѣдовать мѣстность. Интересъ же поѣздки въ Балкарію всецѣло обусловливается для любителей путешествія по горамъ тѣмъ, что страна эта представляетъ по своему рельефу то же для Кавказа, что Швейцарскіе Альпы для Европы. Это макушка Кавказской возвышенности, средоточіе на небольшомъ пространствѣ самыхъ большихъ, исключая Эльбруса, вершинъ, отъ которыхъ въ разныя стороны отходитъ множество очень высокихъ кряжей, поднятыхъ за предѣлы вѣчныхъ снѣговъ и потому покрытыхъ большимъ количествомъ льда. Вслѣдствіе этого здѣсь находится много ледниковъ, легко доступныхъ къ восхожденію и обозрѣнію ихъ.

До послѣдняго времени проникнуть въ Балкарію было довольно трудно. Въ нее съ плоскости вела неудобная горная тропа, доступная лишь для верховой ѣзды мѣстныхъ жителей на ихъ привычныхъ лошадяхъ. Можно было еще пробраться въ нее изъ сосѣднихъ ущелій: съ востока изъ Дигоріи, съ запада изъ Хулама, но попасть въ послѣднія было не менѣе трудно, чѣмъ ѣхать въ Балкарію по Череку, т. е., по той главной рѣчкѣ, на которой она расположена и которая впадаетъ въ Малку близъ станицы Прохладной.

Но въ настоящемъ году было окончено и въ іюлѣ торжественно въ присутствіи властей открыто довольно хо-

рошее шоссе, сдѣлавшее доступъ въ Балкарію удобнымъ и легкимъ, могущимъ къ тому же доставить каждому возможность прослѣдовать по одной изъ живописнѣйшихъ, по нашему мнѣнію, дорогъ и посмотрѣть самую оригинальную мѣстность на Кавказѣ. Нужно замѣтить, что хотя на постройку шоссе потребовалось около семи лѣтъ и израсходовано балкарскимъ обществомъ до 60000 рублей при даровомъ отъ казны порохѣ, необходимомъ для взрыванія камней въ скалахъ, но при отсутствіи теперь постоянныхъ рабочихъ для ремонта шоссе, судьба его не можетъ считаться надолго обезпеченной. Два—три сильныхъ ливня приведутъ его въ такое состояніе, что по немъ съ трудомъ можно будетъ ѣхать верхомъ, а не то что въ колесномъ экипажѣ.

Чтобы попасть въ Балкарію, необходимо предварительно побывать въ Нальчикѣ. Это окружный городокъ или правильнѣе слобода, расположенная подобно Владикавказу и Алагиру у начала горъ, на 1800 фут. надъ уровнемъ моря. Хотя это—высота незначительная, меньше даже на 500 и 600 фут., чѣмъ у только что названныхъ пунктовъ, но близость лѣсовъ, покрывающихъ окрестныя предгорья, обиліе фруктовыхъ садовъ и общія благопріятныя климатическія условія, а также дешевизна квартиръ и жизненныхъ продуктовъ сдѣлали Нальчикъ, подобно Алагиру, такимъ удобнымъ пунктомъ для лѣтняго мѣстопребыванія, что его въ послѣдніе годы охотно посѣщаютъ курсовые со степныхъ областей. Мы, впрочемъ, должны замѣтить, что Алагиръ въ этомъ отношеніи имѣетъ большія преимущества предъ Нальчикомъ. Въ Алагирѣ, при равныхъ условіяхъ дешевизны жизни и пр., природа горъ величественнѣе: онѣ значительно ближе и выше, лѣса сохранились лучше, путь по направленію къ горамъ удобнѣе; кромѣ того, въ Алагирѣ находится серебро-свинцовый заводъ, а въ 30 верстахъ и рудникъ, на которомъ производится разработка серебряной руды, обозрѣніе чего представляетъ особый интересъ для курсовыхъ. Но посѣщеніе Нальчика, какъ и Алагира, для ѣдущихъ далеко и надолго въ горы обязательно въ виду того, что необходимо бываетъ запастись открытымъ предписаніемъ къ старшинамъ ауловъ объ оказаніи содѣйствія при наймѣ людей и лошадей, а также для полученія помѣщенія. Безъ такихъ полномочій отправляться въ горы изъ Нальчика, Алагира, Владикавказа и т. п. пунктовъ нельзя, потому что, помимо отсутствія знанія русскаго языка мѣстными жителями, и весь строй жизни послѣднихъ, всѣ обычаи и порядки ихъ такіе, что лучше всего

прибѣгнуть къ оффиціальнымъ полномочіямъ, на которыя притомъ же и сами мѣстные жители смотрятъ, какъ на обязательное для себя дѣло, подлежащее немедленному и безпрекословному удовлетворенію.

* * *

25 іюля въ 9 часовъ утра, получивъ открытое предписаніе отъ любезнаго полковника Д. А. Вырубова, Нальчикскаго окружнаго начальника, мы чрезъ часъ были уже въ пути, размѣстившись удобно на обширной бричкѣ, запряженной парой лошадей. Но едва только переѣхали въ бродъ рѣчку Нальчикъ, не успѣвъ еще выѣхать изъ ея русла на пригорокъ, какъ что-то въ нашей телѣгѣ поломалось о камень; пришлось остановиться на часъ, хотя, собственно говоря, время даромъ не пропало для ботаники. Осмотръ каменистаго русла рѣчки далъ намъ возможность обнаружить здѣсь присутствіе двухъ очень интересныхъ и рѣдкихъ на Кавказѣ растеній изъ семейства сложноцвѣтныхъ, причемъ одно изъ нихъ, именно: Cladocheta candidissima приводится только для Закавказья и береговъ Каспійскаго моря, но оказывается, что оно произрастаетъ по русламъ почти всѣхъ рѣчекъ сѣвернаго Кавказа въ предгорьяхъ, а другое изъ безсмертниковъ (Helichrysum), какъ кажется, составляетъ совершенно новый видъ; по крайней мѣрѣ мы оба не могли назвать его послѣ осмотра.

Фактъ, повидимому, маловажный, но для насъ крайне интересно было начать съ этого. И мой коллега, и я держимся той мысли, вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ петербургскихъ ботаниковъ, что флора Кавказа, какъ вообще и многія другія отрасли естественно-историческихъ знаній о немъ, далеко еще не изучена и не изслѣдована. Объ этомъ было заявлено нами разновременно въ печати *).

Теперь, какъ бы въ подтвержденіе своей мысли, мы, не успѣвъ еще сдѣлать перваго шага въ горы, находясь, такъ сказать, внизу первой ступени восхожденія на нихъ, нападаемъ послѣ многихъ лѣтъ занятій флорой Кавказа на неожиданности и сюрпризы.

Позже девятидневная поѣздка дала еще много фактовъ, подтверждающихъ нашу мысль, но теперь, бесѣдуя по этому поводу, мы незамѣтно для себя проѣхали нѣсколько часовъ по мѣстности, когда-то заросшей лѣсомъ,

*) *В. Липскій.*—Изслѣдованіе Сѣвернаго Кавказа 1891 г.
И. Я. Акинфіевъ. Новые и рѣдко встрѣчающіеся виды Кавказской флоры (Записки Кавк. Отдѣла Имп. Русск. Геогр. Общ. кн. XV).

нынѣ же покрытой лишь кустарниками и буйными травами, пестрѣющими цвѣтами, которыми такъ богаты всѣ предгорья Кавказа. Такія мѣста можно было бы уподобить нашимъ лѣснымъ опушкамъ, еслибы только на нихъ трава была вдвое крупнѣе по росту и имѣла, кромѣ обыкновенныхъ, средне—и южнорусскихъ растеній, еще множество спеціальныхъ кавказскихъ формъ.

Чѣмъ дальше постепенно проникаешь въ горы, чѣмъ выше и грандіознѣе становятся послѣднія, тѣмъ растительность и вообще вся природа постепенно преобразовывается, окрашиваясь въ какія-то самостоятельныя краски и въ концѣ концовъ принимаетъ свой собственный видъ, становится непохожей на то, что на плоскости кажется обычнымъ и знакомымъ, а вмѣстѣ съ природой и люди со всѣмъ своимъ бытомъ предстали предъ нами въ совершенно самобытной, чуждой намъ обстановкѣ. Начать съ того, что здѣшніе жители селятся аулами по ущельямъ рѣчекъ, рѣже на какомъ-нибудь незначительномъ расширеніи или, наконецъ, на слабой покатости въ горахъ. При отсутствіи удобной для культуры земли всякій клочекъ ея утилизируется наилучшимъ образомъ, бережно сохраняется, огораживается и засѣвается кукурузою, ячменемъ или овсомъ. Постройки ихъ—сакли вполнѣ оригинальныя. Это полуземлянки, прислоненныя задней стороной къ горѣ, а основаніемъ на половину ушедшія въ землю. Сложены онѣ изъ валуновъ или неправильной формы окатанныхъ водою камней, съ плоскою кровлею, съ однимъ входнымъ въ стѣнѣ отверстіемъ и другимъ маленькимъ дымовымъ въ потолкѣ. Вмѣсто оконъ иногда зіяетъ въ стѣнѣ дыра, закладываемая на ночь или въ непогоду бревномъ, рѣже доской. Такія же точно помѣщенія устраиваются и для животныхъ, какъ для людей; часто тѣ и другіе помѣщаются въ одной болѣе или менѣе обширной саклѣ. Улицъ нѣтъ, есть небольшіе кривые проходы. Все это крайне скученно, стѣсненно и представлено тѣмъ беднѣе, чѣмъ дальше аулъ находится въ горахъ, чѣмъ выше и недоступнѣе эти послѣднія. Такъ, въ аулахъ, расположенныхъ еще на плоскости, передъ горами, постройки и вся обстановка жителей носятъ на себѣ смѣшанный, такъ сказать, русско-татарскій характеръ. Здѣсь сакли похожи на небольшія русскія хаты съ двускатой соломенной кровлею и даже съ застекленными окнами. Всякій, кто былъ на кавказскихъ минеральныхъ водахъ, навѣрное, видѣлъ подобные аулы, подъѣзжая къ послѣдней станціи желѣзной дороги предъ Пятигорскомъ. Въ нихъ нерѣдко можно встрѣтить зданія даже подъ же-

лѣзною кровлею. Сюда относятся, напр., большинство минаретовъ или мечетей, которые легко узнать по особой деревянной пристройкѣ съ лѣсенкой и наверху съ куполообразнымъ расширеніемъ для лица, призывающаго правовѣрныхъ къ молитвѣ. Въ дворахъ, кромѣ жилой сакли, имѣются пристройки для скота, какъ у нашихъ крестьянъ; для перевозки тяжестей существуетъ обыкновенно двуколесная арба, а иногда даже дроги съ упряжью для одной лошади. Обитатели этихъ плоскостныхъ ауловъ—кабардинцы, одно изъ самыхъ бойкихъ, энергичныхъ и цивилизованныхъ племенъ Сѣвернаго Кавказа. Они стройны, красивы, съ весьма выразительными, подвижными чертами лица. Значительное большинство ихъ очень хорошо говоритъ по-русски, довольно чисто одѣваются въ свои красивые бешметы и черкески, украшенные длинными съ серебряной отдѣлкой кинжалами. Женщины носятъ костюмы смѣшаннаго характера, но весьма близкіе къ обыкновеннымъ цвѣтнымъ платьямъ, какъ у крестьянокъ изъ русскихъ ситцевъ.

Но вступивъ въ горы, вы не увидите ничего такого, что напоминало бы вамъ Россію или вообще цивилизацію. Въ ущельяхъ горъ, по среднему и верхнему теченію всѣхъ значительныхъ рѣкъ, какъ Кубань, Малка, Баксанъ, Черекъ, Урухъ, Ардонъ и Терекъ—всюду населеніе татарское, извѣстное подъ общимъ именемъ черкесовъ, составившихъ себѣ славу суровыхъ людей во время вѣковой Кавказской войны. На видъ они смуглые, загорѣлые, некрасивые, средняго роста, съ широкой грудью, но тонкимъ тщедушнымъ станомъ, съ сравнительно малыми тонкими и короткими ногами. Такой сухой, корявый человѣкъ могъ выработаться только среди той жесткой, каменной обстановки, которая его окружаетъ. Все въ немъ находится въ строгой зависимости отъ мѣстныхъ условій. Палящее солнце на альпійской высотѣ его пастбищъ и сѣнокосовъ сожгло и зачернило его лицо, его широкая грудь выработалась подъ вліяніемъ тѣхъ же горъ, для восхожденія на которыя приходится сильно дышать. Ѣстъ народъ разъ, много два раза въ день, утромъ и вечеромъ, понемногу и самую простую пищу, говоритъ быстро, улыбается рѣдко. Онъ по виду непривѣтливъ, какъ непривѣтливы и суровы его окружающія скалы, но по существу добръ, довѣрчивъ и гостепріименъ. Въ домѣ у него бѣдность, граничащая съ нищетою; одежда на всѣхъ членахъ семьи своеобразная: у мужчинъ черкески изъ сукна своей собственной пряжи, чѣмъ занимаются женщины, у которыхъ костюмы тоже изъ шерсти, но покрой

турецкій: красныя широкія шаровары и разноцвѣтные халаты. При встрѣчѣ съ мужчинами и въ особенности русскими, онѣ не закрываются, а отворачиваютъ и потупляютъ голову. Женское населеніе совершенно не говоритъ по-русски, изъ мужчинъ очень немногіе кое-что понимаютъ и умѣютъ сказать полдесятка словъ.

При въѣздѣ нашемъ въ первый послѣ Нальчика аулъ Кошка-тау, мы остановились около мечети, чтобы спросить, гдѣ живетъ старшина, но попадавшіяся женщины и ребятишки какъ-то дико смотрѣли на насъ, очевидно, не понимая ни слова по русски. Прошло больше полчаса времени, во время котораго мы были въ большомъ недоумѣніи, что намъ дѣлать, пока не встрѣтились три молодыхъ подростка лѣтъ 15—18, изъ которыхъ одинъ съ трудомъ понялъ, что намъ нужно. Мы ему предложили поѣхать съ нами къ помощнику старшины, на что онъ, послѣ нѣкотораго колебанія, согласился, но предварительно вытащилъ у своего товарища спрятанный подъ верхней одеждой длинный, одноствольный, быть можетъ, дѣдовскій, оставшійся еще отъ временъ войны, пистолетъ и пошелъ впереди насъ. Очевидно, онъ побаивался, какъ бы пріѣзжіе русскіе не произвели посягательства на его персону. Но когда послѣ проводовъ мы предложили ему два кусочка сахару, его хмурое оспенное лицо просіяло улыбкой до ушей.

Дворъ помощника старшины былъ полонъ дѣтей и женщинъ въ возрастѣ отъ 16 до 100 лѣтъ включительно. Старухи татарки удивительно некрасивыя существа. Старыя цыганки, кто ихъ видѣлъ, по сравненію съ татарками—настоящія красавицы. При нашемъ въѣздѣ во дворъ все, что могло бѣжать, вмигъ разбѣжалось, попряталось въ шести рядомъ стоящихъ сакляхъ богатаго двора, и оттуда въ двери и окна высовывались десятки глазъ на незнакомыхъ гостей. Только двое столѣтнихъ стариковъ—мужъ и жена—остались въ углу двора, безучастно наблюдая, что творится вокругъ. Между тѣмъ мы вылѣзли изъ телѣги и по указанію подошедшаго сосѣда татарина отправились въ спеціально для гостей предназначенную комнату—кунацкую, куда сейчасъ же внесли для насъ подушки и одѣяла, подали воду для умыванія и даже стали готовить тутъ же подъ дымовымъ отверстіемъ самоваръ. Вскорѣ явился хозяинъ, который по нашему заказу принесъ полтора десятка яицъ и тонкій кружекъ какого-то очень вкуснаго копченнаго сыра.

Замѣтивъ, что мы готовимся варить яйца въ кипяткѣ изъ самовара, хозяинъ приказалъ своему взрослому

сыну приготовить ихъ у себя на дому, но каково было наше удивленіе, когда чрезъ 10 минутъ услужливый дѣтина, возвратившись, медленно вынулъ изъ полы своего засаленнаго халата и выложилъ предъ нами на столъ всѣ яйца, очищенныя, конечно, грязными руками, отъ скорлупы. Дѣлать было нечего, пришлось ѣсть и такія, потому что это было уже вечеромъ, а мы съ утра ничего не ѣли. Условившись съ хозяиномъ, чтобы намъ на утро, возможно раньше, были приведены 4 верховыя лошади, мы поспѣшили заявить всѣмъ присутствовавшимъ и глазѣвшимъ на насъ любопытнымъ, что мы ложимся спать, а когда сакля освободилась отъ посѣтителей, занялись приготовленіемъ собранныхъ растеній и въ 9 часовъ, дѣйствительно, уснули на своихъ буркахъ, боясь воспользоваться предложенными постелями въ виду ихъ исконныхъ обитателей—насѣкомыхъ.

Дальнѣйшее путешествіе въ теченіе слѣдующаго дня пришлось совершить по новому шоссе въ весьма узкомъ ущельѣ, прорѣзанномъ р. Черекомъ въ высокомъ кряжѣ горъ изъ твердаго известняка. Кряжъ этотъ носитъ названіе Скалистаго, онъ съ сѣвера поднимается довольно отлого до 11 и даже 12 тысячъ фут. надъ уровнемъ моря. Передъ Скалистымъ хребтомъ съ сѣвера стоятъ нѣсколько другихъ, *значительно меньшихъ размѣровъ*, кряжей; они носятъ *въ географіи Кавказа общее наименованіе* Черныхъ горъ. Ихъ до самой вершины покрываютъ густые буковые, или по мѣстному, чинаровые лѣса. Скалистый хребетъ тоже *отъ основанія до высоты 8000 ф. покрытъ* съ сѣвера *вѣковыми чинарами.*

Само собою понятно, что, кромѣ бука, въ лѣсахъ встрѣчаются и другія деревья чернолѣсья, а именно: дубъ, вязъ, грабъ, кленъ, ясень, а вверху—рябина и береза. Кромѣ того по отвѣснымъ скаламъ въ тѣнистыхъ мѣстахъ Скалистаго кряжа намъ встрѣчалась, хотя очень рѣдко, даже сосна. Находка сосны въ этихъ мѣстахъ доставила намъ большое удовольствіе, такъ какъ ее здѣсь не должно быть, согласно схемѣ, по которой распредѣляется растительность Кавказа у кабинетныхъ ученыхъ. По ихъ мнѣнію*), сосна на Кавказѣ встрѣчается только въ „промежуточномъ“ и въ слѣдующемъ за нимъ главномъ кряжахъ горъ, гдѣ нѣтъ будто бы чернолѣсья. Но тщательное изслѣдованіе иногда обнаруживаетъ факты, которые становятся въ рѣзкое противорѣчіе со всѣми схемами, со-

*) См. работы Н. И. Кузнецова по изслѣдованію Кавказа съ 1889—90 и 91 гг. (Труды Импер. Русск. Географ. Общ.).

ставленными въ кабинетѣ на основаніи предвзятыхъ теорій. Такъ и въ данномъ случаѣ, оказалось, что сосна попадается (хотя очень рѣдко) въ Скалистомъ кряжѣ, а дубъ, кленъ, вязъ, и др. породы чернолѣсья, что намъ пришлось обнаружить въ послѣдующіе дни въ Балкаріи, растутъ не только въ Скалистомъ кряжѣ, но и на всемъ пространствѣ до главнаго хребта и въ послѣднемъ, гдѣ по схемѣ одного Петербургскаго ботаника должна расти только сосна.

Скалистый кряжъ, какъ оказывается, богатъ не одними вѣковыми чинарами (буками). На отвѣсныхъ утесахъ его нерѣдко можно видѣть большіе пучки, плотно прижатые къ скалѣ, своеобразныхъ травянистыхъ растеній, которыя нигдѣ на земномъ шарѣ, кромѣ, какъ здѣсь, не встрѣчаются. Это разные виды Сухоребрецы (Draba) и камнеломки, изъ которыхъ одна названа недавно профессоромъ Шмальгаузеномъ въ честь извѣстнаго изслѣдователя Кавказа И. Я. Динника-Saxifraga Dinniki Schm.

Въ этомъ же кряжѣ, при вступленіи въ него на пути въ Балкарію, находится небольшое до 40 саж. въ діаметрѣ, но глубокое озеро Черекъ-коль, въ которомъ вода пріятнаго небесно-голубаго или бирюзоваго цвѣта, но во многихъ мѣстахъ съ непріятнымъ сѣроводороднымъ запахомъ. Замѣчательно, что выходъ сѣроводородной воды изъ Скалистаго хребта можно замѣтить и въ другихъ пунктахъ его, но только на одной и той-же параллели по длинѣ. Такъ, на 11 верстѣ отъ Алагира по военно-осетинской дорогѣ находится пещера тоже съ сильно сѣрнистой минеральной водой, вытекающей прямо подъ шоссе въ Ардонъ.

Давъ лошадямъ передышку на полчаса у Черекъ-коля, мы снова продолжали путь и вскорѣ въѣхали въ самое красивое мѣсто ущелья, гдѣ шоссе на пространствѣ 3—4 верстъ оказывается высѣченнымъ въ скалѣ, причемъ сверху и слѣва оно совершенно закрыто и только справа, въ сторону ущелья, возведенъ небольшой барьеръ, надъ которымъ до отвѣсно-висящихъ скалъ остается два—три аршина свободнаго промежутка, да и то такой промежутокъ въ нѣсколькихъ пунктахъ не прерванъ, а соединенъ со скалою, такъ что въ такихъ мѣстахъ получаются небольшіе тунели. Виды по ущелью восхитительные.

При слѣдованіи по шоссе большую часть времени приходится слабо подниматься среди дикой лѣсной растительности или въ просѣкѣ скалы слѣва, тогда какъ справа, на страшной глубинѣ, вѣчно шумитъ бурный потокъ, дѣлая зигзаги въ разныя стороны. На пути часто

встрѣчаются ключи, родники, фонтаны и разнаго рода источники съ чистой пріятной на вкусъ водой, дающей возможность путнику утолить жажду, а набожному правовѣрному совершить одну изъ пяти обычныхъ молитвъ и омовеній, смотря по времени дня.

Въ часъ дня мы стали выѣзжать изъ ущелья. Послѣднее, постепенно расширяясь, выходитъ въ широкую сравнительно долину, или правильнѣе котловину, окруженную съ всѣхъ сторонъ горами, изъ которыхъ самыми грозными являются тѣ, что находятся на Скалистомъ хребтѣ, который теперь остается сзади путника, на сѣверѣ, и имѣетъ въ разныхъ мѣстахъ видъ гигантской стѣны въ 1000—2000 ф. высоты надъ своимъ основаніемъ, поднятымъ въ то же время въ общемъ до 10000 ф. надъ уровнемъ моря. Съ боковъ и спереди долина окаймляется болѣе или менѣе высокими остроконечными кряжами съ снѣжными вершинами. Это и есть Балкарія. Въ этой котловинѣ, нижнія точки которой находятся на высотѣ всего 3500 фут., а верхнія подняты до 13000 ф. и выше, примкнувъ къ скаламъ, расположены аулы, какъ гнѣзда соекъ и щуровъ въ оврагахъ. Средина и всѣ болѣе или менѣе слабо покатыя мѣста заняты дѣлянками или участками подъ посѣвы хлѣбовъ, главнымъ образомъ, ячменя, овса, кукурузы и ржи. Дѣлянки или нивы очень небольшія: въ 100—150 квадр. саж.; межою между ними служатъ оросительныя канавы—ярики, по которымъ проводится изъ выше текущихъ рѣчекъ вода, пропускаемая на нивы въ засуху; безъ этого здѣсь хлѣбопашество было бы невозможно, такъ какъ почва состоитъ изъ кремневыхъ галекъ, валуновъ и крупнаго песка или гравія, и вся мѣстность, находясь подъ защитою Скалистаго хребта съ сѣвера, въ полуденное время такъ накаляется, что безъ искуственнаго орошенія все здѣсь выгорѣло бы. И дѣйствительно, всматриваясь въ ближайшіе скалы и холмы, вы видите, что тамъ, гдѣ нѣтъ орошенныхъ мѣстъ: покосовъ и нивъ, флора по виду и составу крайне однообразная и жалкая, какъ все равно у насъ въ степяхъ въ августѣ мѣсяцѣ. Ея видъ сѣрый, какъ камни, она состоитъ изъ деревеянъ, полыня и злаковъ: ковыля, тонконога и друг., или-же изъ кустарниковъ: барбариса, розы, колючаго низкорослаго жостера (Ramnus Pallasii) и др. формъ, ютящихся на уступахъ скалъ. Это царство камней и скалъ; а потому здѣсь все сѣро, сухо и безжизненно, въ противоположность тому, что приходится видѣть на сѣверной сторонѣ Скалистаго хребта, гдѣ проростаетъ такая роскошная растительность.

По пріѣздѣ въ главный аулъ Балкаріи, Цигитиль, мы расположились въ правленіи, гдѣ писарь отвелъ намъ, такъ называемую, судейскую комнату, въ которой по временамъ собирается горскій словесный судъ, замѣняющій въ русскихъ селахъ волостной. Чрезъ полминуты послѣ пріѣзда, еще не успѣли мы снести своихъ вещей, какъ наше помѣщеніе было наполнено любопытными, пришедшими посмотрѣть на насъ. Послѣднее практикуется здѣсь въ самыхъ большихъ размѣрахъ, что видно изъ того, что стѣны судейской комнаты повытерты спинами посѣтителей на соотвѣтствующей человѣческому росту высотѣ. Глазѣющіе обыкновенно ведутъ себя вначалѣ боязно и молчаливо, но вскорѣ завязывается между ними разговоръ, все болѣе и болѣе усиливающійся и переходящій въ смѣхъ и остроты, очевидно, на счетъ пріѣзжихъ; осматриваютъ безъ стѣсненія всѣ вещи, часто дѣлаютъ намъ вопросы. Такая безцеремонность очень стѣсняетъ насъ и мѣшаетъ работать: раскладывать для сушки растенія, приводить свои вещи въ порядокъ и проч. Чтобы избавиться отъ назойливой публики, мы оба выходимъ на дворъ и начинаемъ громко разговаривать съ кѣмъ нибудь, кто хоть нѣсколько словъ понимаетъ по русски. Всѣ присоединяются къ намъ, тогда мы по одному быстро входимъ въ комнату и затворяемъ дверь. Для присутствующихъ этого достаточно, они мало по малу расходятся; но вскорѣ ихъ замѣняютъ другіе, новые любопытные, которые еще насъ не видѣли. Болѣе смѣлые и франтоватые изъ нихъ, именно мѣстные князьки пріотворяютъ нашу дверь и входятъ въ комнату, за ними и другіе дѣлаютъ тоже, но мы снова повторяемъ свой маневръ и, наконецъ, просимъ писаря не пускать къ намъ непрошенныхъ гостей. Запереть дверей нельзя, такъ какъ онѣ безъ всякихъ крючковъ и защипокъ. У мѣстныхъ жителей, очевидно, воровство изъ чужихъ домовъ не въ обычаѣ, вотъ почему, вѣроятно, и въ судейской комнатѣ всегда все оставляется безъ запора. Такъ, на столѣ и окнахъ здѣсь лежатъ оффиціальныя книги: метрическая и брачная, а также письменныя принадлежности, и никому въ голову не приходитъ воспользоваться чѣмъ либо.

Остальную часть дня мы провели въ заботахъ по пріисканіи себѣ подводчика для дальнѣйшаго путешествія. Первый пришедшій для переговоровъ татаринъ запросилъ по два рубля за лошадь для каждаго изъ насъ, для вьюка и проводника, что составляло восемь рублей въ день. Мы давали шесть рублей, онъ не согласился и ушелъ. Явился второй, который запросилъ по полтора

рубля за лошадь, но, когда онъ ушелъ, чтобы позвать кого-то, явился третій, который взялся доставлять намъ каждую лошадь по одному рублю въ день. Самъ онъ могъ быть проводникомъ и переводчикомъ—къ слову сказать, какъ оказалось, довольно плохимъ,—и соглашался сопровождать насъ пѣшкомъ, получая тоже рубль въ сутки. Мы абонировали послѣдняго. Ночь прошла довольно спокойно, только сильный, непривычный шумъ отъ Черека, который былъ отъ насъ въ 20 шагахъ, по временамъ заставлялъ просыпаться и прерывалъ нашъ сонъ.

II.

Видъ на снѣжныя вершины съ высоты 10,000 ф.—Поѣздка къ верховью р. Рцывашки.

На слѣдующій день мы предприняли поѣздку назадъ, на сѣверъ, къ вершинѣ Кизилъ-кая, стоящей въ Скалистомъ хребтѣ. Намъ хотѣлось побывать у отвѣсной стѣны его, такъ какъ здѣсь, вслѣдствіе солнечнаго припека, на высотѣ 9—10,000 ф. н. у. м., должна была находиться, по нашему предположенію, совершенно своеобразная растительность. Наши ожиданія оправдались. Мы констатировали присутствіе многихъ интересныхъ формъ, нашли даже новые виды.

Но эта поѣздка оказалась весьма интересной не только въ ботаническомъ отношеніи. Благодаря прекрасному солнечному дню, намъ пришлось видѣть такую картину въ горахъ Кавказа, какой никогда не удавалось видѣть раньше. Но будемъ вести описаніе въ послѣдовательномъ порядкѣ.

Въ 6 часовъ утра мы двинулись въ путь. Наша дорога шла къ упомянутой выше вершинѣ Скалистаго кряжа по тропѣ, ведущей къ перевалу въ сосѣднее ущелье Хуламъ. Миновавъ аулъ Куннмъ и переѣхавъ на 5500 ф. рѣчку Чайнашки, по которой идетъ хорошая дорога къ одному изъ самыхъ длинныхъ (до 17 верстъ) ледниковъ Кавказа-Безенги и вершинѣ Дыхъ-тау, мы поднялись круто вправо отъ названной рѣчки въ субальпійскую область, въ мѣста Балкарскихъ сѣнокосовъ, изобилующихъ роскошными травами, между которыми Кавказскіе шлемники (Aconitum), дельфиніумы, скабіозы, генціаны, гвоздики и др. растенія способны привести въ восторгъ всякаго любителя самыхъ изысканныхъ цвѣтниковъ и парковъ. Съ высоты 8000 ф., гдѣ тропа входитъ въ область Скалистаго хребта, растительность становится бѣднѣе, по-

тому что на этихъ мѣстахъ пасутся лошади и овцы. Подъемъ во многихъ мѣстахъ настолько крутой, что бѣдныя животныя подъ нами для передышки требовали очень частыхъ остановокъ. Въ 12 час. дня мы достигли верхней точки Хуламскаго перевала, до предѣла нашего подъема, на высотѣ 9300 ф. Здѣсь нашему взору представилась чудная картина, которая превосходитъ все то, что можетъ создать самая пылкая фантазія. Влѣво отъ насъ вся котловина Балкаріи была какъ на ладони. Внизу, на самомъ днѣ котловины, въ сѣрыхъ камняхъ виднѣлись аулы съ пестрѣвшими близъ нихъ поспѣвающими нивами хлѣбовъ; выше по холмамъ и въ первомъ вѣнцѣ горъ, на 7—8000 ф., красовалась яркая зелень сѣнокосовъ, а въ верхнемъ вѣнцѣ горъ на горизонтѣ, по направленію къ югу, полукольцомъ возвышались, уходя въ небеса, снѣжныя вершины самыхъ причудливыхъ формъ и очертаній. Въ этомъ полукольцѣ можно было насчитать до 14 большихъ горъ, изъ которыхъ около половины достигали высоты отъ 15,000 до 17,500 фут. н. у. м. Эти послѣднія покрыты были вѣчными снѣгами и, будучи освѣщены полуденнымъ солнцемъ, теперь ярко блистали передъ нами, находясь по прямой линіи всего на разстояніи 5—10 верстъ. А съ сѣвера въ 150 саженяхъ, сзади насъ, стояла, протянувшись съ запада на востокъ, до 20 верстъ стѣна Скалистаго хребта, гигантская, отвѣсная, прерванная въ трехъ мѣстахъ глубокими долинами, образованными рѣчками: Урванъ, Черекъ и Псеканъ-су. Здѣсь, на этой альпійской высотѣ, уже не слышно ни шума названныхъ потоковъ, которые внизу обыкновенно мѣшаютъ вести разговоръ безъ напряженія, ни людскаго говора, ни звука животныхъ. Тишина нѣмая, жизни никакой; только палящее, но слабо согрѣвающее солнце и ледяныя горы вдали, да красноватые камни вблизи*). Такое величіе природы восхищаетъ и изумляетъ случайно попавшаго сюда человѣка.

На нашу долю выпало въ этотъ разъ видѣть описываемую картину при самомъ разнообразномъ солнечномъ освѣщеніи, благодаря тому, что вскорѣ послѣ нашего подъема на перевалъ, сухой туманъ, пригоняемый восточнымъ вѣтромъ по ущельямъ рѣчекъ, сталъ мало по малу прикрывать густой пеленой сначала восточную часть Балкарской котловины, потомъ среднюю и западную до вершины Коштанъ-тау и, наконецъ, достигъ нашей стоянки. Распредѣливъ себѣ пункты для изслѣдованія Скалистаго хребта, мы поднялись къ самому отвѣсу его, на высоту 10000 фут., и очутились выше предѣловъ тумана, получившаго теперь видъ густаго бѣлоснѣжнаго облака, которое закрывало отъ нашихъ взоровъ всю Балкарскую котловину до высоты 9000 фут. надъ уровнемъ моря. Теперь намъ казалось, что мы находимся выше всего земного, въ сферѣ облаковъ и неугасаемаго солнца, ярко освѣщавшаго съ прозрачно-лазурнаго неба какое-то фантастическое море, поверхность котораго, слабо волнуясь, была окаймлена остроконечными льдинами. Были моменты, когда гигантскія волны моря, подымаясь все выше и выше, взбирались на какую либо снѣжную вершину, окутывали ее со всѣхъ сторонъ и, распространяясь далеко за горизонтъ, казалось, повисали надъ необъятной бездной... Порывы вѣтра обдавали холодомъ, заставляли насъ возвращаться изъ фантастическаго міра къ дѣйствительности и сожалѣть о томъ, что мы были въ легкой одеждѣ. Несмотря на солнечный припекъ, отъ котораго трескалась кожа на лицѣ и рукахъ, мы чувствовали холодъ. Въ сферѣ чистаго неба даже іюльское солнце не грѣетъ, а только свѣтитъ и опаляетъ.

*) Кизилъ-кая означаетъ съ татарскаго—красная гора.

Осмотрѣвъ скалы, насколько онѣ были доступны, мы собрали все то, что росло по утесамъ, осыпямъ и отлогимъ мѣстамъ, причемъ оказалось, что здѣсь, на значительной высотѣ въ концѣ іюля только начинають расцвѣтать тѣ виды камнеломокъ и сухоребрицы, которые попадались намъ вчера на высотѣ 3—4000 ф. отцвѣтшими уже давно, въ апрѣлѣ и маѣ. Для насъ это было очень кстати, потому что мы въ теченіе двухъ дней получили возможность собрать рѣдкія и интересныя растенія во всѣхъ періодахъ ихъ роста: въ цвѣту и съ плодами.

Къ 4 часамъ дня, согласно условію, мы спустились къ мѣсту стоянки, гдѣ, подкрѣпившись закуской и чаемъ, приготовленнымъ проводникомъ, стали возвращаться назадъ. На 8000 ф. вошли въ область густаго тумана и какъ бы погрузились во тьму, а чрезъ полчаса, спустившись нѣсколько ниже, оказались внѣ его предѣловъ; прошли сѣнокосные луга и аулъ Кунимъ и къ 7 часамъ вечера были въ своей квартирѣ. Здѣсь, занимаясь до поздней ночи сортировкой собранныхъ растеній, мы въ бесѣдѣ воспроизводили въ своей памяти всѣ обстоятельства поѣздки и тѣ великолѣпныя картины природы, какія намъ пришлось видѣть въ теченіе минувшаго дня.

Слѣдующій день былъ посвященъ осмотру ближайшихъ окрестностей Кунима. Нужно было подробнѣе изслѣдовать растительность двухъ различныхъ по солнечному освѣщенію склоновъ Черека: сѣвернаго—тѣневаго и южнаго— солнечнаго. Кромѣ того, у одного изъ насъ паля-

щее альпійское солнце до того обожгло кожу во время вчерашняго пребыванія на высотѣ 9—10000 ф., что къ шеѣ, лицу и кистямъ рукъ нельзя было прикоснуться, не вызывая чувствительной боли. Особенную чувствительность обнаруживали обожженныя мѣста, когда они выставлялись на второй день на яркое солнце. Но такъ какъ такая боль обыкновенно непродолжительна и на второй день она уже почти проходитъ, то пострадавшій просидѣлъ дома до тѣхъ поръ, пока не стала спадать дневная жара, т. е., до 5 часовъ вечера, когда въ узкомъ ущельѣ Черека получилась повсемѣстно тѣнь. За два часа до сумерокъ можно было еще осмотрѣть ближайшія мѣста на сѣверной сторонѣ ущелья и общее кладбище Балкарскихъ жителей. Послѣднее, впрочемъ, оказалось мало интереснымъ не только въ ботаническомъ, но и въ этнографическомъ отношеніи, такъ какъ оно, подобно кладбищу многихъ русскихъ деревень, было не огорожено, давало свободный доступъ скоту и имѣло видъ безпорядочно набросанныхъ каменныхъ грудъ безъ особыхъ какихъ либо памятниковъ, если не считать двухъ остроконечныхъ пирамидъ, сложенныхъ въ правильную кладку и сцементированныхъ известью. Подобной формы памятники —чисто татарскаго происхожденія и принадлежатъ древнимъ зажиточнымъ родамъ. Современные же татары перестали ихъ устраивать и обыкновенно ограничиваются тѣмъ, что могилу покойника прикрываютъ грудой камней.

***

29 іюля, снова въ 6 часовъ утра, мы отправились къ верховью рѣчки Рцывашки, впадающей въ Черекъ съ правой стороны въ срединѣ Балкарскихъ ауловъ. Поѣздка эта явилась совершенно случайно и не обѣщала намъ ничего интереснаго, въ виду того, что, судя по пятиверстной географической картѣ, названная рѣчка должна была вытекать изъ небольшаго ущелья въ промежуточномъ, а не Главномъ хребтѣ, т. е., въ отрогѣ, который идетъ на востокъ отъ Коштанъ-тау къ перевалу изъ Балкаріи въ Дигорію. Хотя изъ словъ проводника можно было заключить, что мы поднимемся на лошадяхъ почти до самаго снѣга, но такъ какъ онъ по русски говорилъ плохо, то мы думали, что побываемъ только на такой высотѣ, гдѣ остаются на лѣто снѣжные заносы или есть фирновые ледники (т. е., ледники втораго разряда), изъ которыхъ отъ тающихъ снѣговъ и накопляется довольно большое количество воды въ р. Рцывашки. Намъ просто хотѣлось побывать на альпійскихъ лугахъ въ предѣлахъ ауловъ Балкаріи, но возможно повыше, такъ какъ въ

ожиданіи пріѣзда изъ Владикавказа третьяго компаньона, г. Россикова, въ этотъ день намъ нечего было дѣлать въ низкихъ областяхъ, а отправляться безъ него къ Главному хребту не хотѣлось, въ виду отсутствія у насъ палатки, которую долженъ былъ онъ привезти.

По обыкновенію, въ 6 часовъ утра мы двинулись въ путь на востокъ. Вскорѣ миновали аулъ Шканты, расположенный на уступѣ, съ котораго въ давно прошедшія времена ледникъ Черека, протискиваясь въ очень узкомъ ущельи изъ гранитныхъ скалъ, падалъ каскадомъ въ Балкарскую долину. Вверху надъ ауломъ, на высотѣ 4000 ф., находятся прекрасно сохранившіеся отъ этого ледника, такъ называемые, бараньи лбы, а на самомъ краю уступа стоитъ огромныхъ размѣровъ валунъ, на которомъ кѣмъ-то, очевидно, въ глубокую старину для чего-то сооружена небольшая башенка такого типа, по которому вообще строились на Кавказѣ въ древности на скалахъ башни, теперь стоящія въ запустѣніи, какъ, напр., въ Дарьяльскомъ ущельи, въ Осетіи и пр. Далѣе наша тропа стала круто подниматься зигзагами вверхъ на перевалъ до 5000 ф., отдѣляющій Черекъ отъ Рцывашки. Весь сѣверный склонъ долины Черека отъ основанія до вершины покрытъ густой зеленью кустарниковъ: орѣшника, азаліи, двухъ видовъ можевельника и березняка, въ то время, какъ южный, обращенный къ Рцывашкѣ до 6000 ф., въ мѣстахъ солнечныхъ припековъ, лишенъ былъ кустарниковъ и содержалъ лишь травянистыя формы сухолюбовъ. Съ перевала уже мы къ удивленію своему увидали, что долина Рцывашки очень широкая и довольно ровная, правильнѣе: слабо покатая со стороны верховья рѣки.

Проѣхавъ версты 3—4 по лѣвому склону, мы на 6000 ф. спустились на дно долины, образованной, очевидно, не дѣйствіемъ текучей воды, а когда то бывшимъ здѣсь большимъ ледникомъ, такъ какъ текучая вода не въ состояніи произвести въ гранитахъ такой широкой долины, какая была здѣсь. По небольшому мостику переѣхали бурный потокъ на правую сторону долины. Вся она покрыта пастбищами и содержитъ много кошей, близъ которыхъ по утесамъ пасется масса рогатаго скота и овецъ. Проѣзжая мимо одного изъ кошей, мы остановились, чтобы купить сыра. Гостепріимный хозяинъ угостилъ насъ кефиромъ и за 30 коп. продалъ довольно большой кружокъ фунта въ 3—4 свѣжаго сыра, правду сказать, довольно плохаго качества. Такъ какъ вся эта долина принадлежитъ только тремъ балкарцамъ, то собственники кошей арендуютъ участки ея подъ выпасъ

скота, хотя здѣсь несомнѣнно много удобныхъ мѣстъ для сѣнокоса. Верстъ 7—8 вверхъ по теченію рѣчки долина представляетъ слабый подъемъ и на 7600 ф., приблизительно, съуживается до 150—200 саженей. Отсюда подъемъ на лошадяхъ становится затруднительнымъ, а потому мы устроили здѣсь стоянку, которая, какъ оказалось, пришлась противъ конечной морены очень большого ледника. Въ 3—4 верстахъ отъ этого ледника по направленію къ юго-востоку и вверхъ по долинѣ виднѣлся ледникъ еще большихъ размѣровъ, съ гладкой блестящей поверхностью, спускавшійся съ слабымъ уклономъ съ снѣжной вершины. Присутствіе здѣсь значительныхъ ледниковъ перваго разряда было для насъ новостью. Намъ было извѣстно, что въ подробномъ описаніи ледниковъ Кавказа, составленномъ И. Я. Динникомъ, ничего не говорится объ этихъ ледникахъ. Просматривая потомъ описанія его поѣздки по Балкаріи, мы увидѣли, что онъ не былъ въ долинѣ Рцывашки и недостаточно подробно ознакомился съ той мѣстностью, которая тянется отъ горы Гюлючи къ востоку. Между тѣмъ изъ нашего осмотра мѣстности и разспросовъ оказалось, что отъ только что названной горы простирается довольно большой кряжъ, поднятый до 13000 ф. надъ уровнемъ моря. Въ немъ, кромѣ Гюлючи, находится еще двѣ высокихъ вершины: Рцытау и Ахъ-су-баши. Послѣдняя — двойная, соприкасается съ хребтомъ, идущимъ отъ Главнаго на сѣверъ и отдѣляющимъ Балкарію отъ Дигоріи. Въ этомъ-то широкомъ углу соприкосновенія двухъ хребтовъ скопляется много снѣга, питающаго юго-восточный ледникъ, который слѣдуетъ именовать сѣвернымъ ледникомъ Ахъ-баши-бузъ, потому что главная масса льда спускается очень низко по долинѣ съ двойной горы Ахъ-су-баши; но кромѣ этого, таже гора даетъ и на югъ, какъ это мы увидимъ ниже, небольшой висячій ледникъ втораго разряда, изъ котораго питается рѣчка Ахъ-су. На пространствѣ 3—4 верстъ описываемый сѣверный ледникъ имѣетъ менѣе крутое, чистое поле, удобное для пѣшехода, но внизу онъ совершенно покрытъ камнями и кажется здѣсь грязнымъ. Большая боковая морена его находится съ правой стороны, лѣвая же сторона ледника почти касается скалы. Оканчивается ледникъ двойной головой, какъ будто прерываясь по длинѣ, а именно: то мѣсто, откуда вытекаетъ наибольшая масса воды, находится на высотѣ 8800 ф. Грота здѣсь нѣтъ, но высота ледника, присыпаннаго камнями, сажени двѣ. Ширина рѣки около 2 саж. Съ боковъ высокія морены и все пространство саженей на 100 дальше отсюда, къ

вершинѣ ледника, тоже покрыто камнями, такъ что съ перваго раза можно подумать, что вы стоите на конечной довольно новой моренѣ, а ледникъ отошелъ вверхъ. Свѣжей мореной это мѣсто можно было бы назвать еще и потому, что здѣсь очень мало растительности. Но, всмотрѣвшись, вы замѣчаете, что подъ всѣми этими кварцевыми валунами находится не толстый слой льда. Если же пройти отсюда вверхъ саженей 100, то приблизитесь къ высокому валу ледника, что въ недалекомъ будущемъ дастъ новую конечную морену, когда нижняя окончательно освободится отъ льда. Отъ этого верхняго вала ледникъ уже сохраняетъ цѣльность и имѣетъ въ ширину менѣе версты, дѣлаясь все чище и чище отъ камней.

Не имѣя цѣлію подробно изучать ледники Балкаріи, мы не стали подниматься вверхъ по этому, тѣмъ болѣе, что для насъ было въ пору справиться съ разнообразной флорой этой мѣстности, до 3 часовъ дня, когда, по условію, мы должны были быть у стоянки. Нужно замѣтить, что, отправившись вверхъ по ущелью, къ только что описанному леднику, мы предполагали, что найдемъ возможность перейти чрезъ рѣчку, которая вытекаетъ изъ подъ него, чтобы подойти ко второму леднику, спускающемуся съ горы Рцы-тау, противъ морены котораго была наша стоянка. Но оказалось, что ясный и теплый день производилъ такое сильное таянье льда, что ни о какомъ переходѣ или даже переѣздѣ верхами на лошадяхъ на правый берегъ рѣчки нельзя было и думать. Такимъ образомъ, этотъ второй ледникъ Рцывашки, который нужно назвать Рцы-бузъ, остался не осмотрѣннымъ нами вблизи. Можно только сказать, что и онъ составляется вверху изъ двухъ ледяныхъ полей, спускающихся съ Рцы-тау по направленію съ запада на востокъ, и имѣетъ двѣ большихъ боковыхъ морены и одну конечную. Кромѣ того, справа къ нему подходитъ третій ледникъ втораго разряда или фирнъ-глетчеръ. Нижняя точка ледника Рцы-бузъ, находится на 200—300 ф. ниже, чѣмъ у сѣвернаго ледника Ахъ-баши-бузъ, и здѣсь слабо покрыта камнями. Есть ли здѣсь гротъ у выхода рѣчки или нѣтъ, намъ не удалось констатировать.

Къ этому леднику, какъ это часто бываетъ на сѣверномъ Кавказѣ у всѣхъ почти легко доступныхъ ледниковъ, мѣстные жители пріѣзжаютъ лѣчиться льдомъ. Во время нашего посѣщенія у него на излѣченіи жили уже болѣе недѣли двѣ кабардинскія дѣвушки подъ охраной своихъ братьевъ. Сущность лѣченія ледниками состоитъ въ томъ, что слабогрудые и чахоточные больные,

живя у ледника лѣтомъ въ теченіе 3—4 недѣль и болѣе, пьютъ молоко со льдомъ изъ подъ ледника и глотаютъ чистый ледъ. Всѣ здѣсь говорятъ, что это очень помогаетъ. Курсовые всегда возвращаются отъ ледниковъ здоровыми. Было бы весьма интересно, чтобы спеціалисты медики провѣрили дѣйствительность этого оригинальнаго „народнаго средства". Можно подумать, что ледъ при такомъ лѣченіи не причемъ, а все дѣло въ чистомъ горномъ воздухѣ, который, дѣйствительно, долженъ оказать самое благотворное дѣйствіе на больныя легкія. Но на ряду съ этимъ не нужно забывать, что какъ ни простъ мѣстный житель, но онъ отлично понимаетъ, что онъ лѣчится не воздухомъ, а льдомъ, потому что такого чистаго воздуха, какой находится на высотѣ ледниковъ, много въ болѣе доступныхъ горахъ, и дышать имъ можно съ несравненно большими удобствами, чѣмъ у ледниковъ. Здѣсь, близъ ледниковъ, даже въ хорошую погоду, температура обыкновенно очень низкая; только среди яснаго дня ртуть въ термометрѣ на нѣсколько часовъ поднимается до 18—20° по Цельзію, въ остальные же часы она не выше 10—12°. А въ пасмурное время въ полдень не бываетъ болѣе 12°; ночью же и по утрамъ чаще всего ртуть стоитъ на 4—5°, а иногда падаетъ и до 0°. Если же принять во вниманіе то, что здѣсь господствуютъ дожди и туманы, часто сопровождаемые сильными вѣтрами, что жить здѣсь приходится почти подъ открытымъ небомъ, или подъ какимъ нибудь огромнымъ валуномъ, или въ пещерѣ, за 10—15 верстъ отъ жилья, въ сосѣдствѣ съ медвѣдями и турами, то при всей своей нетребовательности и выносливости татары, безъ сомнѣнія, предпочли бы оставаться дома, еслибы только практикуемое средство не было цѣлебно.

Возвратившись къ стоянкѣ, мы застали проводника спящимъ, а вмѣсто приготовленнаго чаю, около него собрано только немного зеленаго хвороста. Предполагая, что для того, чтобы развести огонь, необходимый для полученія кипятка изъ сыраго матеріала, потребуется много времени, мы уже рѣшили было ѣхать, не дожидаясь чаю, но проводникъ сталъ увѣрять, что у него чай будетъ готовъ очень скоро. И дѣйствительно, пока мы закусывали, не болѣе какъ черезъ 20 минутъ, вода въ чайникѣ закипѣла. Нужно было имѣть ту ловкость и умѣнье взяться за дѣло, а также нужно было обладать такими природными мѣхами, которыми обладалъ нашъ горецъ, чтобы изъ совершенно, повидимому, неподходящаго матеріала раздуть сильный огонь въ какія нибудь три—четыре минуты. Не успѣли мы закончить свой обѣдъ, какъ туманъ сталъ закрывать

вершины окрестныхъ горъ и чрезъ полчаса окуталъ нашихъ сосѣдей у ледника, а затѣмъ, быстро спускаясь и преслѣдуя насъ по долинѣ, лишилъ насъ возможности любоваться ею на возвратномъ пути. Впрочемъ, подобно вчерашнему дню, туманъ повисъ на высотѣ около 6000 ф., такъ что при нашемъ поворотѣ къ Череку, когда мы спустились 5000 ф., намъ отлично видна была красивая балкарская долина съ ея сѣнокосными лугами и небольшими участками хлѣбовъ, съ ея землисто-каменными постройками ауловъ и шумнымъ Черекомъ. Подъѣхавъ къ крутымъ зигзагамъ тропы, мы увидѣли, что для благополучнаго спуска по ней необходимо оставить лошадей и пройти это мѣсто пѣшкомъ. Но когда пришлось продѣлать послѣднее, то теперь только мы поняли, насколько крутъ былъ подъемъ и какую трудную работу пришлось совершить утромъ нашимъ бѣднымъ животнымъ при подъемѣ на верхъ съ 5 пудовою ношею.

Въ 6 съ половиною часовъ мы были на своей постоянной квартирѣ и, къ сожалѣнію, не застали здѣсь ожидаемаго компаніона изъ Владикавказа, который непремѣнно долженъ былъ пріѣхать сюда къ вечеру этого дня. Присутствіе его для насъ было желательно, между прочимъ, потому, что по справкамъ оказалось, что у насъ провизія приходила къ концу: хлѣба уже оставалось не болѣе двухъ фунтовъ, сахару тоже могло хватить всего на два дня, между тѣмъ мы еще самаго важнаго въ поѣздкѣ не сдѣлали—не были у Главнаго хребта Кавказскихъ горъ, на что требовалось не менѣе 4 дней. Кромѣ того, намъ, какъ сказано уже, необходима была палатка, безъ которой нельзя никогда пускаться въ горы болѣе, чѣмъ на одинъ день. Это мы знали по многолѣтнему опыту изъ путешествія по Кавказу. Такъ, напр., еще въ прошломъ году намъ пришлось оцѣнить важное значеніе палатки при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Будучи вдвоемъ, какъ въ настоящемъ году, въ ущельѣ Хумамъ, сосѣднемъ съ Балкаріей, куда мы не могли проникнуть потому, что балкарцы, по случаю сильной холеры на плоскости, завалили часть своей тропы камнями и тѣмъ самымъ прекратили возможность внести къ себѣ заразу,—мы уже вторую ночь путешествія въ горахъ провели безъ палатки. Къ утру пошелъ дождь, свинцовыя тучи тяжело висѣли надъ всѣми горами. Мы подъѣзжали къ леднику Безенги съ крайне тяжелымъ чувствомъ, что начавшаяся непогода не только испортитъ намъ виды на горы, но и лишитъ возможности приготовить въ отсутствіи палатки собранныя растенія. Для ботаника нѣтъ ничего

непріятнѣе, какъ везти долгое время собранныя растенія въ сыромъ видѣ и съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе убѣждаться, что растенія плеснѣвѣютъ отъ сырости, загниваютъ и подлежатъ выбрасыванію. Но каково же было наше удивленіе, когда, поднявшись на пригорокъ въ совершенно дикой мѣстности, не подалеку уже отъ ледника, мы увидѣли двѣ большихъ палатки. Еще не доѣхавъ къ нимъ, мы уже лелѣяли себя надеждой, что можно будетъ спасти свои растенія, а когда, приблизившись, мы получили приглашеніе отъ любезнаго хозяина, случайно бывшаго здѣсь топографа, укрыться отъ дождя, то испытали такое удовольствіе и радость отъ этой случайной встрѣчи, какое испытываетъ всякій, кому благополучно удалось сохранить свое дорогое сокровище.

Итакъ и провизію, и палатку намъ долженъ былъ привезти г. Россиковъ, но его не было, и оставалось только рискнуть двинуться завтра въ путь безъ того и другого. Строго говоря, рискъ предстоялъ небольшой со стороны провизіи. Если у насъ печеный хлѣбъ и приходилъ къ концу, то оставалось еще фунтовъ 10 простыхъ бѣлыхъ пряниковъ, которые замѣняли намъ сухари, и, какъ оказалось изъ этого перваго опыта, пряники въ путешествіи были лучше сухарей во многихъ отношеніяхъ. Они хорошо и удобно сохранялись и были вкуснѣе простаго хлѣба. Кромѣ того, одинъ изъ насъ охотно соглашался, въ случаѣ нужды, довольствоваться татарскимъ хлѣбомъ изъ ячменной или кукурузной муки. Для другого же отсутствіе хорошаго хлѣба не составляло такого обстоятельства, безъ котораго нельзя было бы прожить 3—4 дней въ пути. Необходимо, впрочемъ, замѣтить, что татарскій хлѣбъ крайне плохъ, въ особенности кукурузный и несвѣжеиспеченный. Такой хлѣбъ представляетъ изъ себя въ буквальномъ смыслѣ слова нѣчто среднее между камнемъ и глиной по твердости, да не лучше и по вкусу, потому что онъ содержитъ по крайней мѣрѣ 25% песку, получающагося въ мукѣ отъ крайне труднаго умола кукурузы на примитивно устраиваемыхъ водяныхъ мельницахъ горцевъ. Еще чаще муку горцы получаютъ ручнымъ способомъ, растирая зерно между двумя камнями.

Порѣшивъ непремѣнно выѣхать завтра къ Главному хребту на нѣсколько дней, мы заказали съ вечера своему проводнику, кромѣ двухъ бывшихъ всегда подъ нами лошадей, еще одну вьючную и разсчитывали выступить въ путь возможно ранѣе; но проводникъ, какъ набожный татаринъ, совершавшій всякій день въ путешествіи съ нами всѣ пять молитвъ и омовеній, положенныхъ

по корану, по случаю пятницы просилъ дать ему возможность помолиться Богу въ мечети во время всеобщаго служенія. Полагая, что это будетъ утренняя молитва, какъ и въ обыкновенные дни, мы согласились на это, но потомъ пришлось пожалѣть, когда выяснилось, что къ праздничному богослуженію магометане приступаютъ только съ 12 часовъ дня.

III

Поѣздка къ Главному хребту.—Перевалы: Гезевцикъ и Стули-вцекъ.

Забравъ весь свой багажъ, кромѣ полусухихъ растеній, оставленныхъ на попеченіи писаря досушиваться на солнцѣ, мы 30 іюля, почти въ два часа дня, двинулись въ путь, вверхъ по лѣвой сторонѣ ущелья Черека. Ущелье въ предѣлахъ промежуточнаго кряжа образовано очень высокими остроконечными гранитными скалами; въ началѣ оно довольно широкое и содержитъ слѣды когда то бывшихъ здѣсь большихъ лѣсовъ смѣшаннаго характера: внизу изъ чернолѣсья, а вверху изъ хвойныхъ породъ; но съ 4 и 5-й версты ущелье начинаетъ сильно съуживаться. Черныя, голыя скалы принимаютъ самыя странныя формы, а противъ Коштанъ-тау уходятъ въ небо на двѣ и даже три версты и положительно нависаютъ надъ узкой тропой, отбрасывая ее къ самой рѣкѣ на груду огромныхъ камней, по которымъ съ большимъ трудомъ приходится пробираться несчастнымъ вьючнымъ животнымъ. Нѣтъ сомнѣнія, что гроза, или землетрясеніе, или еще какая либо сила были причиною того, что эти остроконечные камни величиною съ домъ и крупнѣе оторвались отъ сосѣдней скалы и съ ужасающей силой и шумомъ низринулись въ пропасть, засыпая ее и преграждая теченіе рѣки. Послѣ вода нашла себѣ выходъ, прорывъ глубоко скалу у противоположнаго къ катастрофѣ берега, а смѣлый или, лучше сказать, безпечный человѣкъ сталъ перелѣзать по этой грудѣ камней, какъ попало, ни мало не думая ни объ удобствахъ, ни о безопасности, и на каждомъ шагу рискуя сломать шею лошади или, поскользнувшись самому съ узкой тропы, полетѣть куда то въ пропасть.

Въ 4 часа дня солнце уже стало цѣпляться за зубчатые края скалъ и постепенно уходило за нихъ. Получилась сначала весьма эффектная полоса отраженнаго свѣта надъ скалами, похожая на корону при солнечномъ затменіи или на весьма яркій свѣтъ луны

въ первый день новолунія, и края скалъ какъ бы просвѣчивали; потомъ наступила тѣнь въ гигантской трещинѣ, по которой мы слѣдовали, переѣзжая множество ручьевъ и горныхъ рѣчекъ въ бродъ и по какимъ то подвижнымъ или трясущимся подъ пѣшеходомъ мостикамъ. Особенно красивы тѣ мѣста ущелья, гдѣ съ весьма крутого склона низвергаются въ него рѣчки Коштанъ—тау и Тутынъ-су, загромождающія ущелье цѣлымъ кряжемъ окатанныхъ валуновъ, которые они сносятъ внизъ отъ ледниковъ. Отъ моста на Тутынъ-су, находящагося на высотѣ 5000 ф. н. у. м., ущелье начинаетъ постепенно расширяться, вдали виднѣется много снѣжныхъ вершинъ и ледниковъ, а чрезъ полчаса пути открывается влѣво, если смотрѣть вверхъ по теченію, большая широкая долина съ слабо волнистой поверхностью, пересѣкаемая извилистой лентой—правымъ притокомъ Черека, Ахъ-су. Въ углу, ближе къ намъ, виднѣется темное и очень узкое ущелье, въ верховьи котораго находятся особенно грозныя горы. Изъ этого ущелья вытекаетъ бурная рѣчка Дыхъ-су съ бѣлой водой, которая долгое время не смѣшивается съ черной водой Ахъ-су, послѣ образованія ими одной общей рѣки Черека. Въ томъ углу, гдѣ виднѣется ущелье Ахъ-су, находится балкарская караулка,—мѣсто остановки всѣхъ ѣдущихъ изъ Балкаріи къ Главному хребту. Мы подъѣхали сюда въ 6 часовъ вечера, употребивъ, такимъ образомъ, на переѣздъ ровно 4½ часа; слѣдовательно, весь путь не долженъ быть длиннѣе 20 верстъ. Десять минутъ спустя послѣ пріѣзда, еще не успѣли мы устроиться подъ навѣсомъ караулки, отказавшись поселиться въ ней, чтобы избѣжать дыма отъ очага и др. неудобствъ, наступили сумерки; изъ ущелья Дыхъ-су несло сквознымъ холоднымъ вѣтромъ, свидѣтельствовавшимъ, что бурный потокъ, вырывающійся оттуда, недалеко беретъ свое начало изъ подъ ледника. По словамъ сторожей караула, огромный ледникъ Дыхъ-су находится отсюда всего въ 3—4 верстахъ разстоянія, но, къ сожалѣнію, добраться до него весьма трудно. Почти вертикальныя стѣны глубокаго и мрачнаго ущелья трудно доступны не только для пріѣзжихъ, но и для обитателей караулки. Послѣднихъ 6 человѣкъ; они живутъ здѣсь только лѣтомъ, получая содержаніе частью натурою, частью деньгами, а именно: отъ каждаго балкарскаго дома, чей скотъ или овцы перегоняются на пастбища чрезъ мостикъ у караулки, сторожа получаютъ въ концѣ лѣта по козленку. Если же перегоняются гурты скота Кабардинцами чрезъ Главный хребетъ на югъ, что бываетъ часто осенью и весной, то въ пользу сторожей моста взимается по 2 коп. за овцу и по 4 за штуку крупнаго скота и лошадь.

На обязанности сторожей состоитъ наблюдать, чтобы по этой дорогѣ не прогонялся ворованный скотъ съ плоскости по ту сторону перевала; кромѣ того, чтобы балкарскій скотъ, который пасется на долинѣ, на правомъ берегу Ахъ-су, безъ всякихъ пастуховъ, не возвращался домой. Обязанности несложныя, а потому сторожа для добыванія ѣды проводятъ все свое время въ охотѣ по горамъ, оставляя одного дежурнаго у моста. Въ нашъ пріѣздъ къ вечеру возвратились съ охоты два сторожа, причемъ одинъ принесъ убитаго козленка—тура, вслѣдствіе чего старшій изъ нихъ, какъ гостепріимный хозяинъ, угостилъ насъ превкуснымъ шашлыкомъ изъ дичи.

Боясь, что ночью будетъ холодно, такъ какъ мы находились на высотѣ 5500 ф. и на сильномъ сквознякѣ изъ ущелья, мы укутались, ложась спать, возможно теплѣе, но совершенно напрасно: термометръ къ утру не понизился больше 12° Ц., благодаря туману, покрывавшему горы. Съ непривычки отъ страшнаго шума, который производилъ Дыхъ-су, протискиваясь среди гранитныхъ скалъ въ самомъ узкомъ мѣстѣ, подъ мостомъ, трудно было заснуть; точно также и въ разговорѣ, чтобы слышать говорящаго, приходилось съ большимъ напряженіемъ кричать, наклонившись къ самому уху. Ночью, вслушиваясь внимательно въ шумъ рѣки, мы легко могли различить въ немъ два тока: одинъ высокій, похожій на шумъ листьевъ и вѣтвей въ лѣсу отъ сильнаго вѣтра, другой низкій, густой, подобно глухимъ безпрерывнымъ, но отдаленнымъ раскатамъ грома, или шуму колесъ водяной мельницы; этотъ тонъ происходитъ отъ перекатовъ камней по дну рѣки.

На утро, чуть свѣтъ, мы были на ногахъ и въ 5 часовъ двинулись къ Главному хребту. Необходимо было пораньше подняться возможно выше, чтобы видѣть горы, пока стояла хорошая погода. Въ горахъ она мѣняется быстро,—нужно было спѣшить пользоваться благопріятнымъ моментомъ. Уже вчера съ высоты 5000 ф. мы видѣли, что находимся въ такомъ мѣстѣ, гдѣ меньшихъ горъ, какъ въ десять или двѣнадцать тысячъ футъ, совсѣмъ нѣтъ. Почти всѣ вершины покрыты снѣгомъ, а тѣ, на которыхъ нѣтъ снѣга, лишены зеленаго покрова, стало быть, тоже подняты за предѣлы растительности. Кромѣ того, вчера мы были въ ущельѣ, горизонта видѣли очень мало, но чтобы онъ расширился, необходимо было переѣхать долину Ахъ-су и подняться на горы.

Такъ какъ самый удобный путь къ Главному хребту былъ тотъ, по которому идутъ обыкновенно на перевалъ Гезевцикъ, а чрезъ него въ долину Ріона, то мы отправились по немъ. Переѣхавъ два моста чрезъ Дыхъ-су и Ахъ-су и миновавъ небольшую отвѣсную черную скалу, которая среди всеобщей зелени вокругъ казалась особенно дикой и непривѣтливой, мы вступили въ долину, представлявшую собою горную толку, потому что она покрыта плотнымъ зеленымъ дерномъ, на которомъ вся растительность съѣдена скотомъ до корня. Тропы здѣсь не было опредѣленной, а, какъ на всякой другой толкѣ, было много тропокъ, продѣланныхъ часто прогоняемымъ скотомъ. Постепенно слабо поднимаясь, мы вскорѣ очутились около большаго высыхающаго озера съ двумя очень сильными минеральными желѣзистыми источниками. Вода въ источникахъ очень пріятнаго вкуса и, очевидно, охотно употребляется скотомъ, для чего устроены здѣсь особыя пойла. Обогнувъ это озеро съ восточной стороны и круто вернувъ вправо, мы проѣхали мимо залежей какой-то желѣзной породы, затѣмъ переѣхали по самому малому не только на Кавказѣ, но, надо полагать, и на всемъ земномъ шарѣ, мосту. Длина моста не болѣе аршина, такая-же и ширина. Подъ этимъ мостомъ въ бездонной трещинѣ съ страшнымъ шумомъ несется довольно большая рѣчка, все таже Ахъ-су, что означаетъ въ переводѣ съ татарскаго—бѣлая вода. Все время, какъ мы вступили въ долину, намъ со всѣхъ сторонъ открывались все болѣе и болѣе восхитительные виды на окрестности. Влѣво, къ востоку и вверхъ по долинѣ, виднѣлся тотъ кряжъ, которымъ мы уже разъ любовались, когда были на ледникахъ Рцывашки и который начинается горою Гюлючи, а оканчивается Ахъ-су-баши. Теперь мы были съ южной стороны этого кряжа, и очертаніе горъ Рцы-тау и Ахъ-су-баши сразу трудно было узнать. Отсюда они выступаютъ рельефнѣе и имѣютъ болѣе величественный видъ, чѣмъ съ сѣвера; съ нихъ падаютъ сюда ледники только втораго разряда, висячіе.

Чѣмъ выше мы поднимались, тѣмъ все рельефнѣе и величественнѣе становилась красавица Коштанъ-тау, стоящая въ сѣверо-западномъ углу долины. На западъ отъ Коштанъ-тау зрисовывалась грозная Дыхъ-тау, а отсюда весь югъ до востока представлялъ сплошную гряду скалъ въ вѣчныхъ снѣгахъ. Словомъ, мы были въ центрѣ скалъ, утесовъ и величайшихъ вершинъ, на границѣ между Европой и Азіей. По всѣмъ направленіямъ съ горъ спускались въ низины снѣжныя лавины, ледники, вытекали съ

шумомъ и бѣшеной стремительностію рѣки и ручьи, казавшіеся издали ничтожными по сравненію съ горами, но производившіе своимъ теченіемъ такую работу, такое опустошеніе, что вся мѣстность являлась изрѣзанной, изборожденной, какъ будто это была гигантская безпорядочная работа титановъ, учившихся созидать изъ камней и льда величайшія въ мірѣ постройки въ готическомъ стилѣ.

Поднявшись нѣсколько шаговъ вверхъ отъ миніатюрнаго мостика чрезъ грозный потокъ, мы очутились противъ одного изъ красивѣйшихъ висячихъ ледниковъ Кавказа—Акбашъ или Тумагуръ-бузъ, какъ его называлъ нашъ проводникъ. Огромные, полупрозрачные ледяные острозубчатые столбы синеголубаго цвѣта, повисшіе надъ утесомъ, ярко блестѣли на солнцѣ, образовавъ конецъ ледника въ видѣ ледяной гряды на пространствѣ 300 и болѣе саженей. Во многихъ мѣстахъ по утесу струятся внизъ узкіе, какъ ленты, потоки, то уходя въ образованную ими же самыми глубокую расщелину, то выступая на свѣтъ въ видѣ пѣнящихся каскадовъ, разбрасывающихъ отъ себя во всѣ стороны брызги. А время отъ времени, большія массы льда, вслѣдствіе натиска сзади и подтаиванія снизу, оторвавшись, летятъ внизъ и разбиваются въ мелкіе куски или снѣжную пыль, производя раскаты грома, повторяемые сотни разъ эхомъ по долинѣ.

Подойти близко къ основанію скалы, надъ которой виситъ ледникъ, можно легко, но взобраться хотя бы съ боку къ самой ледяной стѣнѣ, на высоту 600—700 ф., крайне трудно даже для умѣющихъ лазить по горамъ татаръ. Чтобы вблизи осмотрѣть ледникъ, нужно пройти вверхъ по долинѣ версты двѣ и оттуда, повернувъ вправо, направиться къ перевалу Шеривцикъ, ведущему изъ Балкаріи въ Сванетію. Этотъ путь намъ не пришлось сдѣлать; мы, поднявшись на высоту 6600 ф., до предѣловъ лѣса, оканчивающагося, къ слову сказать, здѣсь, въ Главномъ хребтѣ, сосною, кленомъ (Acer Trautwetteri Med.), рябиной и березой, пошли не вправо, а влѣво въ долину Ликензи или Кара-су. Еще раньше, чѣмъ вступить въ долину, приходится пройти пѣшкомъ, оставивъ лошадь, небольшое пространство по весьма худой тропѣ на глинистомъ, сланцевомъ щебнѣ. Нѣтъ ничего хуже такихъ мѣстъ въ горахъ, въ особенности въ сырую погоду. Обыкновенно ширина тропы на глинистыхъ сланцахъ весьма незначительная. Вслѣдствіе легкаго вывѣтриванія и постояннаго осыпанія щебня, въ иныхъ мѣстахъ остается только слѣдъ отъ копытъ животнаго, прошедшаго здѣсь

послѣднимъ. Если же дождь или туманъ смочитъ тропу, то спускаться по ней внизъ при крутомъ склонѣ рѣшительно невозможно. Даже привычныя мѣстныя лошади, и тѣ, вы видите, не только съ осторожностію, но просто съ боязнію слѣдуютъ за вами. Выйдя на болѣе безопасное мѣсто, несчастное животное всегда производитъ глубокое выдыханіе—признакъ, что оно боялось даже дышать, когда проходило по трудному мѣсту.

Но какъ только спустишься со склона и пройдешь густыя заросли рододендрона, трудности пути прекращаются. Тропа идетъ версты двѣ по дну долины и приводитъ васъ къ ледникамъ. Теперь вы на высотѣ 7500 ф. Далѣе подъемъ производится различно, смотря по времени года: весною и осенью, послѣ выпавшихъ снѣговъ, тропа придерживается все той-же лѣвой, если смотрѣть сверху отъ перевала, стороны балки, чрезъ первый ледникъ Лапыръ-бузъ, и постепенно переходитъ на средину морены второго большаго ледника, Ликези-бузъ или Гезевцикъ, изъ подъ котораго вытекаетъ Кара-су. Ледникъ этотъ принадлежитъ къ довольно большимъ на Кавказѣ, длина его около 4 верстъ, ширина внизу болѣе полуверсты. Тамъ, гдѣ вытекаетъ Кара-су, есть большой красивый гротъ на высотѣ 7800 ф. По этому леднику замѣтна тропочка, по которой восходятъ на вершину перевала Гезевцикъ, до 11000 ф. Если же вы подъѣдете сюда лѣтомъ, но рано утромъ, когда ледъ и снѣга слабо таютъ, то нужно спуститься къ руслу рѣчки Ликензи-су, или Кара-су, или Гезевцикъ, перейти рѣку, подняться по правому берегу до 9000 ф., причемъ морена большаго ледника будетъ ниже васъ, и взойти на снѣжную площадь ледника, чрезъ который версты три тянется тропа къ сѣдловинѣ перевала Гезевцикъ.

Въ нашу задачу не входило подниматься па вершину перевала, для насъ важнѣе было произвести возможно полный сборъ растеній на Главномъ хребтѣ, а потому каждый изъ насъ, намѣтивъ себѣ извѣстный пунктъ по склону, сталъ подниматься до верхнихъ предѣловъ растительности здѣсь, именно: до 1000 ф. Съ этой высоты мы получили возможность еще разъ осмотрѣть всѣ горы и видѣть, что въ предѣлахъ Главнаго хребта залегаетъ такая масса льда и снѣга, что площадь, покрываемая ими, безъ сомнѣнія, занимаетъ десятки верстъ въ ширину и сотни въ длину.

Мѣстность вполнѣ безпріютная и кажется совершенно безжизненной, мертвой. На 30—40 верстъ вокругъ видны только голыя скалы, недоступные утесы и льды, льды безъ

конца, къ западу и востоку. Чувствуешь себя здѣсь, въ такой обстановкѣ, въ высшей степени безпомощнымъ и беззащитнымъ существомъ. Если бы не яркіе живительные лучи солнца, падающіе съ лазурнаго неба, не такой чистый и пріятный для дыханія воздухъ, то самъ для себя казался бы мертвымъ въ этомъ неодушевленномъ камённо-ледяномъ царствѣ. Ни мысли, ни желанія не волнуютъ васъ здѣсь, гдѣ царитъ вѣчный покой, неизмѣнное оцѣпененіе гигантскихъ скалъ и ледяныхъ утесовъ.

Что касается растительности, то альпійская флора содержитъ здѣсь, въ Главномъ хребтѣ, все тоже, что и въ другихъ мѣстахъ Кавказа, на высотѣ 9—11000 ф. Въ самомъ верху по скаламъ, конечно, преобладаютъ миніатюрные по размѣрамъ камнеломки и сухоребрицы, свѣтлолиловые и бѣлые, крупноцвѣтные колокольчики, розоватыя астры и мытники (Pediculares), яркожелтые лапчатки и лютики, астры, пупавки и разные другіе. Ниже, гдѣ почва болѣе или менѣе прикрыта злаками, именно: метлицей (Poa) и тонконогомъ (Festuca), Phleum и Bromus, можно встрѣтить Кавказскую скабіозу, буквицу (Petonica) и др. Нужно замѣтить, что между этими видами почти половина такихъ, которые свойственны только Кавказу и на другихъ горахъ земнаго шара не встрѣчаются; сюда относятся: колокольчики, мытники, лютики, скабіоза и даже нѣкоторые изъ злаковъ. Еще ниже, въ предѣлахъ 8—9000 ф., попадаются уже кустарники, а именно: всюду распространенная на всѣхъ вершинахъ земнаго шара альпійская верба и береза, причемъ первая достигаетъ всего 2—3 вершковъ роста. Наконецъ, на Кавказѣ встрѣчаются очень часто, и здѣсь тоже въ альпійской области, огромныя заросли рододендрона. Кустарникъ этотъ имѣетъ очень красивые, крупные, бѣлые цвѣты, но всегда держится только тѣневыхъ склоновъ. На солнечной сторонѣ онъ почти нигдѣ не растетъ. Такъ въ долинѣ Кара-су или Гезевцикъ по сѣверному склону онъ образуетъ сплошныя заросли, съ 6000 до 9200 ф., тогда какъ южный склонъ долины не имѣетъ совсѣмъ рододендрона. Тоже самое распредѣленіе этого кустарника и въ долинѣ Ахъ-су и во всѣхъ другихъ долинахъ, какія только когда либо встрѣчались намъ на Кавказѣ. Вмѣстѣ съ рододендрономъ въ нижней полосѣ, т. е. съ 7500 ф. и ниже, встрѣчаются береза, рябина, сосна, кленъ и др. При этомъ опять нужно сказать, что все это имѣетъ мѣсто только по тѣневымъ склонамъ. Солнечные склоны очень часто стоятъ оголенными. Эти склоны по сравненію съ сѣверными всегда болѣе крутые, на нихъ больше утесовъ и

скалъ. Очевидно, что все это зависитъ отъ того, что они подвергаются большому вывѣтриванію. Солнце, накаляя скалы, мѣшаетъ прорастанію на нихъ растеній и способствуетъ болѣе сильному образованію трещинъ и разрушенію ихъ. Кромѣ того съ югозапада чаще идутъ осадки.

Въ 3 часа дня мы, по принятому обыкновенію, были на мѣстѣ своей стоянки, а затѣмъ, спустившись внизъ, перешли въ долину Ахъ-су и порѣшили переночевать противъ ледника Акбашъ. Здѣсь не такъ давно еще была вторая балкарская караулка, въ которой лѣтомъ жили постоянные сторожа. Теперь отъ нея остались одни слѣды, вродѣ обыкновеннаго коша. Такъ какъ мѣсто загрязненное и расположено такъ, что ледника не видно, а между тѣмъ предъ ледникомъ находится очень красивая поляна между сосновымъ и березовымъ лѣсомъ, то мы рѣшили ночевать подъ открытымъ небомъ, въ виду ледника, чтобы посильнѣе запечатлѣть въ своей памяти чудную картину послѣдняго. Высота мѣста ночевки была около 6800 ф. Было еще довольно рано, когда мы подъѣхали; погода стояла тихая, ясная; ледниковые обвалы происходили рѣже, чѣмъ утромъ, къ концу вечера промежутки увеличились до полчасу и болѣе. За то они увеличились по силѣ. Иногда раздавались такіе удары, которые производили впечатлѣніе пушечнаго выстрѣла на незначительномъ разстояніи, хотя отъ насъ до ледника было не менѣе версты разстоянія; невольно при этомъ прерывалась рѣчь и всѣ вздрагивали.

Занятые ожиданіемъ ужина изъ курицы и картофеля, мы долгое время у яркаго костра наслаждались тишиною ночи, прерываемой раскатами отъ ледниковыхъ обваловъ, пока проводникъ не объявилъ, что, наконецъ, супъ готовъ. Тутъ только мы вспомнили, что у насъ ровно ничего нѣтъ, чѣмъ бы можно было извлекать жидкость изъ котелка. Съ нами были чайникъ, чашка, чайная ложечка. Пришлось измышлять: березовая кора легко замѣнила намъ тарелку для мяса, но ложки не было. Тогда мы рѣшили было пустить въ дѣло чашку, но тутъ проводникъ предложилъ свой деревянный ковшъ. Хотя онъ былъ сильно засаленъ, но все же лучше было пользоваться имъ, чѣмъ портить единственную чашку, тѣмъ болѣе, что воды для мытья ея около нашего ночлега не было близко. Ночь прошла благополучно, за то къ утру поднялся такой сильный вѣтеръ, что безъ бурокъ было бы очень худо, такъ какъ температура равнялась всего 8° Цельсія.

Послѣдній день близъ Главнаго хребта мы провели въ верховьяхъ Ахъ-су. Сначала путь шелъ по очень живописному крутому склону по правой сторонѣ Ахъ-су, высоко поднявшись на 300—400 ф. надъ рѣкою. На 7800 ф. находится довольно широкое мѣсто, на которомъ расположено много кошей, теперь еще не занятыхъ хозяевами и сильно заросшихъ сорными растеніями саженныхъ размѣровъ. Между послѣдними особеннаго вниманія заслуживаютъ горные будяки (Cirsium macrophillum) съ очень крупными и такими колючими головками, что предъ ними нашъ чертополохъ является нѣжнымъ растеніемъ. Тутъ же непроходимыя заросли конскаго щавеля и крапивы.

Миновавъ эти мѣста, мы переѣхали въ бродъ ручей Рцы-су и нѣсколько далѣе Ахъ-су, а потомъ чрезъ часъ пути подъѣхали къ довольно значительному леднику, о которомъ тоже нѣтъ никакихъ указаній въ работахъ по ледникамъ Кавказа. Нашъ проводникъ назвалъ его Токало-бузъ. Онъ спускается съ вершины того же имени, сначала очень круто, двумя большими рукавами, изъ которыхъ правый, восточный, меньшій, лѣвый, западный—большій. Затѣмъ довольно отлого тянется по долинѣ версты на три. Средина ледника, гладкая, безъ трещины, издали кажется выпуклой. Окончаніе его сильно загрязнено, находится, приблизительно, на 8000 ф.; ширина здѣсь саженей 200—300. Грота нѣтъ. Рѣка, вытекающая изъ подъ ледника двумя рукавами, называется Черекомъ. Въ него справа въ двухъ или трехъ верстахъ впадаетъ Ахъ-су и отсюда общій потокъ, какъ и вся долина, тоже называется Ахъ-су, до того мѣста, гдѣ стоитъ караулка и гдѣ потокъ соединяется съ Дыхъ-су. Отсюда общая рѣка снова называется Черекомъ. Правая боковая старая морена ледника Токало-бузъ тянется версты на три почти до самой рѣчки Ахъ-су. Противъ конца ледника справа впадаетъ значительный ручей Гитцаузъ, вытекающій съ довольно высокаго кряжа, по которому поднимаются къ перевалу Стуливцикъ.

Въ 9 часовъ утра мы поднялись по дорогѣ къ этому перевалу до 9000 ф. къ очень сильному желѣзистому минеральному источнику, къ которому по недоступнымъ утесамъ существуютъ тропы дикихъ козъ и медвѣдей. Отъ стоянки мой компаньонъ взошелъ на самый гребень перевала, поднятаго до 11000 ф., а я поднялся только на высоту 10000 ф. по направленію къ леднику Токало-бузъ. Видъ отсюда со всѣхъ пунктовъ весьма эффектный. Въ виду того, что на перевалъ Стуливцикъ можно подняться, не слѣзая съ лошади, его можно рекомендовать всѣмъ, кто только будетъ въ Балкаріи и пожелаетъ видѣть такую картину горъ, которая не поддается никакому описанію.

Замѣчательно, что вершины Дыхъ-тау и Коштанъ-тау съ перевала Стуливцикъ выступаютъ еще болѣе рельефно, чѣмъ съ перевала Гезевцикъ и кажутся на разстояніи 100 саж. другъ отъ друга, между тѣмъ какъ между ними цѣлые десятки верстъ разстоянія. Но особенно красивымъ и грандіознымъ отсюда кажется ледникъ Акбашъ съ вершинами Тумагуръ-тау.

Осмотрѣвъ окрестности, собравъ очень богатую и разнообразную альпійскую флору, мы вернулись внизъ и чрезъ 5 часовъ пути были въ первой караулкѣ, гдѣ и заночевали. Теперь всѣ наши помыслы направлены были къ тому, чтобы поскорѣе уѣхать отсюда. Усиленная работа, которую мы вели въ теченіе 7 дней, вставая въ 4 часа утра и отходя ко сну въ 10—11 часовъ, походная жизнь въ теченіе послѣднихъ трехъ сутокъ, когда приходилось ложиться не раздѣваясь, а главное—плохая ѣда при отсутствіи хлѣба,—все это тянуло съ горъ внизъ, на плоскость.

Когда по утру мы привели свои съѣстные припасы въ извѣстность, то оказалось, что у насъ остается всего два десятка пряниковъ и кусочковъ 6—7 сахара. Очевидно, нужно было поскорѣе отправляться въ обратный путь, хотя, какъ бы мы ни спѣшили, ранѣе двухъ дней выйти изъ предѣловъ Балкаріи нельзя было. Къ концу перваго дня мы были у озера Черекъ-коль и здѣсь заночевали, а въ теченіе втораго дня, или 9-го отъ начала выѣзда изъ Нальчика, мы, направившись отъ Черекъ-коль вправо, ѣхали не отдыхая, часовъ шесть, по буковому лѣсу и спустились на плоскость въ долинѣ Псеканъ-су. По долинѣ проѣхали еще нѣсколько часовъ до аула Жанкотова, откуда уже на колесной повозкѣ къ вечеру прибыли на станцію Котляревскую. Здѣсь утромъ, когда мы сидѣли уже въ вагонѣ желѣзной дороги, пошелъ сильный обложной дождь, очевидно, захватившій собой весь Кавказъ на долгое время. Но дождь опоздалъ: для насъ онъ теперь не представлялъ уже никакой опасности. Пойди онъ тогда, когда мы были среди горной природы, напр., во время ночевки подъ открытымъ небомъ у ледника Акбашъ, сколько бы намъ пришлось вынести отъ него! Теперь же, когда мы сидѣли въ вагонѣ, быстро мчавшаго насъ на родину поѣзда, и ливень, и вѣтеръ, и наступившій холодъ были намъ ни по чемъ. Мы испытывали особенное удовольствіе, что благополучно совершили поѣздку и во время ушли отъ непогоды.

ВЪ ЕКАТЕРИНОСЛАВѢ

ПРОДАЮТСЯ

СЛѢДУЮЩІЯ СОЧИНЕНІЯ

И. А. АКИНФІЕВА:

1. **Растительность Екатеринослава** *въ концѣ перваго столѣтія его существованія*. Съ планомъ города, рисунками и чертежами. Изданіе въ пользу Екатеринославской Городской Общественной библіотеки. 1889 г. Цѣна 2 руб. 10 коп. съ пересылкой.—Складъ изданія въ названной библіотекѣ, куда можно обращаться съ требованіемъ книги.

2. **Путешествіе по Югу Россіи и Сѣверному Кавказу**. 1893 года. Цѣна 50 коп.

3. **О причинахъ заразительныхъ болѣзней**. 1889 г. Цѣна 7 коп.

Послѣднія два изданія изданы въ пользу Екатеринославской Коммиссіи Народныхъ чтеній, откуда ихъ можно пріобрѣтать.

4. **Обзоръ древесной растительности Екатеринославской губерніи**. Вып. I. II. Екатеринославскій уѣздъ. 1893 г. Цѣна 50 коп.

Съ требованіемъ можно обращаться къ автору, адресуя въ реальное училище.

5. **Таблицы для опредѣленія семействъ цвѣтковыхъ растеній юга Россіи**. Съ 3 листами рисунковъ. 1886 года. Цѣна 25 коп.

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ г. Шафермана, откуда можно пріобрѣтать также и всѣ другія сочиненія И. Я. Акинфіева.